

9. См.: La vocation... Vol. I. P. 308-357.

10. Выражение «семья-домохозяйство» («famille-ménage») было бы в научном отношении более точным. Тем не менее, в этой главе, в которой мы рассматриваем современную семью, например, французскую, мы сочли возможным использовать более ходовой термин «семья».

11. Аксьон франсез — фашистская националистическая организация, существовавшая во Франции во второй период Третьей республики. — *Прим. перев.*

12. См.: Enquête sociologique sur la connaissance d'Autrui. Этот опрос был осуществлен под нашим руководством Ж. Казневом, П.-А. Мокором, А. Мемми (Cahiers internationaux de sociologie, 1960. Vol. XXIX, особенно С. 151-153).

13. Несмотря на значительный объем научной литературы, весьма неравного качества, посвященной «индустриальной социологии», этот аспект «новой отрасли» социологии никогда глубоко не изучался. Дело в том, что ее американские представители и их французские поклонники (последние слишком склонны подражать первым) заняты исключительно демонстрацией того, что конфликты, происходящие при капиталистическом строе на заводах и в мастерских, разрешаются сами собой благодаря... мудрой политике предпринимателей, улучшающих условия труда. См. опровержение этой точки зрения в работе: *Touraine A. De l'ambiguïté de la sociologie industrielle américaine // Cahiers internationaux de sociologie. Vol. XII. 1952.* Но нигде и никем проблема завода как *социальной рамки познания* еще не была поставлена.

Пер. с франц. А.Б. Гофмана

ГАЭТАНО МОСКА

ПОСТОЯННЫЕ АРМИИ*

I. Военные функции в примитивных цивилизациях. — II. Бюрократическое государство, наемные и постоянные армии. — III. Типичное политическое превосходство военного элемента. — IV. Причины, по которым в странах европейской цивилизации это превосходство было ограничено, а потом и упразднено. — V. Практическое значение современной гражданской милиции. — VI. Классовые различия между рядовым составом и офицерами во многих постоянных армиях. — VII. Суждения и предрассудки об особых военных наклонностях у разных народов. — VIII. Постоянные армии, война и будущее европейской цивилизации.

I. В первобытных или варварских странах (paesi selvaggi o molto barbari), где экономика является весьма примитивной, а войны происходят часто, все взрослые мужчины являются солдатами. Примитивные общества, в которых преобладает кочевое скотоводство и в которых земледелие и ремесло находятся в эмбриональном состоянии, никогда не были развиты настолько, чтобы полностью поглотить всю человеческую деятельность, и потому у их членов всегда остается достаточно много времени и энергии для дерзких набегов (scorrerie avventurose), которые являются делом не

Гофман Александр Бенционович — доктор социологических наук, профессор, профессор социологического факультета Государственного университета — Высшая школа экономики (Москва). E-mail: a-gofman@yandex.ru.

* Перевод сделан по изданию: *Mosca G. Elementi di scienza politica. Seconda edizione con una seconda parte inedita. Fratelli Bocca Editori. Vol. I. Torino, 1923. P. 226-246.* Данный текст является девятой главой первого тома главного произведения итальянского мыслителя.

только увлекательным, но и почти всегда прибыльным. И так, у народов, о которых мы говорим, мирные виды деятельности оставлены женщинам или рабам, а мужчины отдадут предпочтение охоте или войне.

Это было и есть характерно для всех рас и всех климатов, если существуют условия, которые мы подчеркнули: так жили древние германцы и еще совсем недавно сохранившиеся современные краснокожие (Pelli Rosse), скифы классической древности, туркмены в современную эпоху и так живут до сих пор часть негров во внутренних районах Африки, а также арийские, семитские и монгольские племена, которые способны сохранять фактическую независимость в недоступных районах Азии.

Удобный показатель устойчивости этого положения вещей — существование маленьких политических организмов, фактическая автономия маленьких племен или крошечных деревень, которые способны вести длительные войны, заниматься грабежом своих соседей и осуществлять репрессии по отношению к ним. Фактически лишь только варварские племена, подчиненные законному правительству, которое препятствует ведению междоусобных войн, через долгое время становятся мирными, как, например, это произошло с большей частью кочевых народов Азии, долгое время подчиненных китайскому правительству, а также с кочевыми народами, жившими между Волгой и Уралом и долго находившимися под игом России (il giogo della Russia). Напротив, в средние века мы видим то, как в Германии и Италии относительно цивилизованное население продолжало сохранять очень воинственные традиции, поскольку оно было разделено между феодами и городскими коммунами, [выяснявшими отношения с помощью] кулачного права (il diritto del pugno).

Едва только крупные политические организмы, в том числе и примитивные и несовершенные, сошли с исторической сцены и, прежде всего, едва только экономическое развитие достигло определенных успехов и война перестала быть очень выгодным занятием, тогда мы можем увидеть, что военному ремеслу (mestiere delle armi) стал посвящать себя особый класс, который добывал свое содержание не столько благодаря добыче, взятой у противника, сколько благодаря дани, которую он в разных формах собирал с мирных трудящихся на территории, которую он опекал и охранял. В общем, так как в период средневековой цивилизации и культуры производство является почти исключительно аграрным, воины (guerrieri) или являются собственниками земли, которую должны обрабатывать другие лица, или взимают тяжелые и обременительные поборы с тех, кто трудился на земле. Так было и во время того начального периода классической древности, при котором господствующая военная часть городского населения состояла только из собственников земли (см. прим. 1), и этот же самый феномен очень часто встречался в феодальных странах. Это явление мы обнаруживаем также у латинов и у средневековых германцев, равно как и у славян, у которых этот порядок установился позднее, потому что они позднее оставили кочевую жизнь и перешли к постоянному аграрному хозяйству; и это мы также обнаруживаем в определенные эпохи в Китае, Японии и Индии, в которой он достиг своего расцвета в эпоху упадка и анархии, которая последовала после распада империи Великих Моголов. Подобные организации можно найти в Турции, Абиссинии, Афганистане и в периоды упадка на разных фазах древнейшей египетской цивилизации; их можно найти во всех обществах, которые еще не вышли за пределы первого этапа культуры, т.е. этапа самой примитивной культуры, который мы только можем найти у великой нации, или в обществах, которые, достигнув уровня

развитой цивилизации, после этого в силу внешних и внутренних причин деградируют, а потом трансформируются и погибают как социальный тип, как это было в случае Римской империи (см. прим. 2).

II. Однако, когда цивилизация в феодальных государствах прогрессирует, в них непременно возникает тенденция развития централизации и даже бюрократических порядков. Центральная власть постоянно стремилась к тому, чтобы освободиться от необходимости полагаться на добрую волю маленьких политических организмов, которые формируют государство, тогда как эта добрая воля не всегда присутствовала и стремилась к этому. Следовательно, для того, чтобы держать эти маленькие политические организмы в послушании и дисциплине, верховные власти государств стремились использовать средства, с помощью которых можно было эффективно навязать свою волю другим людям — деньги и солдат. И так были созданы наемные части, которые служили под руководством глав государств, и это явление было столь естественно и стабильно, что мы его обнаруживаем во всех феодальных странах, по крайней мере, в эмбриональном виде.

И действительно на сегодняшний день абиссинский негус (см. прим. 3), располагает, кроме контингента войск, который формируется различными расами (см. прим. 4), основным отрядом своих вооруженных сил, состоящим из подчиненной ему лично гвардии, которую он содержит за счет реквизиций, поступающих в его казну, а также из числа рабов его дома, включая конюхов и пекарей, которые всегда следуют за императором и в случае необходимости становятся солдатами (см. прим. 5).

И в Библии мы обнаруживаем, что основное ядро армии Давида и его наследников было составлено из воинов, которые ели за столом у царя, и из наемных критян и филистимлян; все они были людьми, умеющими обращаться с оружием, которые и подавили мятеж, поднятый Авессаломом, несмотря на то, что он был поддержан большинством народа (см. прим. 6). Ренан полагал, что факт наличия отряда полицейских агентов (*sbirri*) из числа иностранцев, взятых на службу правительству, был характерен только для семитских народов, у которых семейно-родовое сознание было столь сильно, что коренные элементы не удавалось заставить уважать права государства, которые всегда ставились ими после интересов своего рода (*fazione*). Но в действительности, как нам представляется, это происходило повсюду там, где социальный агрегат состоял из небольших ядер, которые обладали всеми необходимыми органами для независимой жизни и, следовательно, могли взбунтоваться против центральной власти. Поэтому король Англии, который в средние века оплачивал фламандцев и брабантцев, король Франции, который окружал себя швейцарцами, итальянский государь, который содержал немцев, в сущности, исходили из тех же соображений политической необходимости, которая заставляла царя Иудеи платить филистимлянам и критянам, а позже вынуждала багдадского халифа платить тюркской гвардии.

Как мы знаем, только организаторский гений Рима осуществил такое совершенствование военной организации (*l'ordinamento degli eserciti*), поначалу набираемой из числа состоятельных граждан господствующего класса, берущих в руки оружие только в случае необходимости, которое сделало возможным осуществить без потрясений и почти неощутимо трансформацию этой организации в настоящую постоянную армию, состоящую из профессиональных солдат (см. прим. 7). В целом, именно по этой причине возникновение постоянных армий должно было быть

связано с отрядом из местных наемников или иностранцев, которых содержат центральные власти для того, чтобы иметь точку опоры перед лицом других военных сил, т.е. сил, организованных на феодальной основе. Национальность наемников иногда может определяться политическими соображениями и, возможно, также и традициями, но критерий, который, в общем, преобладает при их вербовке — это, несомненно, экономический критерий соотношения минимума цены и максимального результата, который предполагает требование иметь больше солдат при минимальных затратах на это.

Поэтому всегда относительно бедные капиталами и богатые населением страны, в которых времени у людей было достаточно, а их жизнь оставляла желать лучшего, поставляли, как правило, наиболее значительные контингенты своих граждан в наемные войска (см. прим. 8).

III. Наемники из числа иностранцев или коренных жителей, будучи организованной постоянной силой, превратившись однажды в господствующую военную силу в стране, всегда стремились к установлению своего господства над всем обществом. Они как феодальный класс, добившись однажды монополии на использование оружия, использовали ее, чтобы получить привилегии и жить как можно более благополучно, насколько это было возможно за счет трудящихся, но прежде всего для того, чтобы уменьшить свою зависимость от верховной политической власти; при этом их влияние было значительным настолько, насколько совершенной была их организация и насколько полной являлась дезорганизация все остальной нации.

Многие другие примеры напоминают это явление. Не говоря уже о преторианцах и легионах, которые хозяйничали в Римской империи, скажем здесь только, что практически всякий раз, когда правительства, чтобы справиться с феодальной анархией или по каким-либо другим причинам создавали части постоянных войск, то они почти всегда потом оказывались зависимыми от их произвола. Иван IV в России, дабы преодолеть зависимость от военных контингентов, предоставляемых боярами, и иметь возможность царствовать в качестве абсолютного монарха, сформировал постоянный корпус *стрельцов*, оплачиваемых из царской казны и подчинявшихся непосредственно суверену; довольно быстро *стрельцы* стали сажать царей на престол и свергать их, оказавшись фактическими хозяевами России, и Петр Великий не мог освободиться от их влияния иначе как расстреливая и обезглавливая их тысячами. В Константинополе султаны также хотели создать полностью надежные войска, чтобы они в случае необходимости могли бы выступить без малейшей щепетильности не только против неверных, но и против арабских и курдских *шейхов*, албанских и боснийских *бегов*, туркменских и татарских *ханов*, потому что они были сформированы из людей без родины и семьи, воспитанных исключительно в подчинении исламу и падишахам; султаны создали янычаров, набранных из числа черкесских, греческих и других христианских юношей, которые были куплены или украдены из их семей в очень юном возрасте. И очень скоро янычары стали возводить на престол и свергать султанов, оказались подлинными хозяевами Османской империи, задушили несчастного Селима III (см. прим. 9), который впервые ограничил их всемогущество, и султан Махмуд (см. прим. 10) должен был для того, чтобы победить связанную с ними опасность, уничтожить их.

Константинопольские султаны могли бы воспользоваться опытом Аббасидов (см. прим. 11) из Багдада, своих предшественников по халифату. Они с начала IX в.,

а, возможно, и ранее, для того, чтобы иметь надежные войска, которые не попытались бы поднять знамя Фатимидов или Омейядов, как это делали арабские войска, формировали тюркскую гвардию. Начиная с халифа Мотасема (833–842), эта гвардия стала всемогущей, и тюркские наемники могли вершить любые злоупотребления. Наследник Мотасема по имени Ватек (Vatek) был низложен тюрками и заменен его братом, и потом в течение четырех лет (866–870) они возвели на престол и свергли трех халифов, пока, наконец, халиф Мохаммед после смерти их вождя Мусы, не смог довольно жестко обуздать их и рассеять на границах Хорасана и Джунгарии, считая своей победой их поражение.

В конце концов, история учит, что обычно класс, который владел копьями или ружьями, всегда нуждался в классе, который управляет лопатами или ткацкими веретенами. Как только общество достигало такого уровня развития, что производство начинало поглощать большое число рук и умов, у цивилизованных народов, отверженных обычно мирным занятиям, провозглашалось с необходимостью, что все являются солдатами. Это означало, что не существовало особой военной организации и слоя командующих и офицеров (*un nucleo di capi e di ufficiali*), являющихся профессиональными военными, и практически было равнозначно тому, что в момент опасности не оказывается под рукой ни одного солдата, а также тому, что самая населенная страна оставляла себя на произвол судьбы перед лицом даже маленькой армии, своей или иностранной, в том случае, если она хорошо обучена и организована. С другой стороны, доверять военное ремесло исключительно той части общества, которая изначально (*spontaneamente*) является наиболее пригодной для того, чтобы заниматься им, и добровольно обращается к нему, [означает создавать] систему, которая кажется наиболее естественной и очевидной и которую многие народы принимали в прошлом, но такой порядок создает, по видимости, и значительные и разнообразные неудобства. В неорганизованном обществе в каждой деревне возникнет банда, включающая в себя лиц, для которых будут характерны отвращение к регулярному и повседневному труду и наклонности к приключениям и насилию, и эта банда и ее главарь будут тиранить мирных трудящихся вне всяких законов и правил. В полуорганизованном обществе из этой банды разовьется правящий класс, который будет господином и хозяином (*signora e padrona*) всего богатства и политического влияния, как это было в случае средневекового феодального строя в Западной Европе и польского дворянства еще примерно век назад. В бюрократическом государстве, которое представляет собой наиболее сложный тип социальной организации, постоянная армия, которая включит в себя все наиболее воинственные элементы, легко и быстро подчиняясь любому импульсу сверху, будет навязывать свою волю всему обществу.

Великое явление современной жизни, характерное почти для всех наций европейской цивилизации, а именно армии, которые жестко подчинены законам, беспрекословно повинуются приказам гражданских властей и политическая роль которых довольно скромна и строго регламентируется — это явление, если и не является абсолютно беспримерным в истории, то все же представляет собой счастливое исключение. Только традиции нескольких поколений и забвение прошлого приводят к тому, что они нам кажутся нормальным явлением, поскольку мы наблюдаем их с конца XVIII — и начала XIX вв., и потому мы находим странным, если обнаруживается какое-либо исключение из этого правила (см. прим. 12). Но в действитель-

ности похожий результат мог быть достигнут только благодаря значительному и мудрому развитию тех чувств, на которых основывается юридическая защита и, прежде всего, благодаря серии исключительно благоприятных обстоятельств, о которых мы должны помнить. Укажем здесь то, что иным историческим обстоятельствам, которые следовало бы исследовать, нельзя ослабить и разрушить сложный, деликатный и умный механизм современных армий; это означало бы восстановление типа военной организации, возможно, более естественного и простого, но, конечно, более варварского и менее приспособленного к совершенной юридической защите.

IV. Истоки длительного исторического развития, приведшего к возникновению современных постоянных армий, восходят к завершению средневековой эпохи. В конце XV в., сначала во Франции, а потом и других регионах Европы централизованная монархия, которую следует считать матерью современного бюрократического государства, заменила постоянными войсками феодальное ополчение (*milizie*). Если с этого времени Европа относительно мало страдала от военных восстаний и мятежей, то это было связано с тем фактом, что данная замена происходила медленно, постепенно и что с конца средневековья создание европейских армий предполагало, что в них были представлены различные социальные элементы, которые уравновешивали друг друга. Действительно, кавалерия в самом начале исторического периода, о котором мы упомянули, формировалась в основном из людей войны (*uomini d'arme*), джентльменов по рождению, глубоко проникнутых духом аристократизма и феодализма, которые, тем не менее, находились на содержании короля; в то же время пехота была скоплением авантюристов из разных стран. Мало-помалу стала преобладать система, при которой командование пехотными полками, а потом и пехотными ротами стали поручать джентльменам по рождению. Более того, начиная с Людовика XIV, возобновилась древняя традиция, согласно которой властитель (*un signore*) набирал эскадрон, полк, роту за свой счет из людей со своих земель и со сформированной таким образом военной силой вставал на денежное содержание суверена. При этом предполагалось, что в случае необходимости король всегда мог бы собрать с оружием в руках все дворянство своего королевства (см. прим. 13).

Тем не менее, несмотря на то, что смешение разных социальных элементов и разных национальностей препятствовало армиям XV – I-й половины XVI вв. стать хозяевами государств, которым они служили, все же было непросто поддерживать строгую дисциплину в войсках, сформированных из авантюристов всех стран и, по большей части, из паразитов общества (*zavorra della societa*). Даже если оставить в стороне вошедших в поговорку немецких ландскнехтов и испанских наемных солдат (*micheletti*), то не следует думать, что французские, швейцарские, итальянские, хорватские или валлонские полки вели себя намного лучше. Если почитать корреспонденцию дона Хуана Австрийского (см. прим. 14), то можно увидеть, сколько труда, сноровки и энергии командующего и офицеров потребовало налаживание весьма относительной дисциплины в войсках, которые подавляли мятеж морисков (см. прим. 15) в Альпукарасе, а потом погрузились на галеры и победили у Лепанто (см. прим. 16) и далее участвовали в войне во Фландрии. Уже в первые годы XVI в. кардинал Хименес, услышав, что испанская армия, высадившись для того, чтобы завоевать Алжир, потерпела поражение и была почти уничтожена, как говорят, воскликнул «Хвала Господу! Наконец-то, Испания освободилась от этих мерзавцев (*tanti mali agnesi*)!» И в конце того же века среди небывалых вещей, которые Сервантес хотел

пожелать приходскому священнику и аптекарю деревни, где родился кавалер ла Манчи, были солдаты, которые, направляясь из внутренних районов Испании в морские порты, чтобы отплыть в другие страны, не грабили бы при этом своих соотечественников-крестьян. Кроме того, известны подвиги ополчения всех стран, участвовавших в знаменитой Тридцатилетней войне. В Англии одной из главных причин, из-за которой сохранялась устойчивая неприязнь к постоянным войскам, был страх перед распутной жизнью, которой жили профессиональные солдаты. При Якове II был возвращен на родину знаменитый своими изнасилованиями и грабежами английский полк, который прослужил несколько лет в Танжере под командованием полковника Керка. Поскольку на знамени этого полка была изображена овца, то входившие в него солдаты с подлинно британским юмором называли себя *овечками* Керка (см. прим. 17).

Не было лучшей дисциплины, чем существовавшая в конце XVII в. и, прежде всего, в XVIII в., в ходе которого, как мы видим, почти полностью исчезло феодальное и городское ополчение и началась эра классических постоянных армий современности.

Тогда необходимость держать много людей под ружьем и сложность платить им столько, сколько нужно для того, чтобы иметь добровольцев, заставила ввести всеобщую воинскую обязанность (*coscrizione*) в большинстве стран европейского континента. Далее, солдаты теперь набирались не среди авантюристов и подонков общества, а главным образом среди крестьян и рабочих, которые не собирались посвящать свою жизнь профессии военного, а возвращались через небольшое количество лет, проведенных на военной службе, к своим обычным занятиям, но при этом офицеры, как и прежде, принадлежали к совершенно другому классу. Офицеры стали бюрократизированными джентльменами, которые теперь соединяли дисциплину и пунктуальность чиновника (*dell'impiegato*) с кавалерийским духом и традиционным дворянским чувством чести (см. прим. 18).

Только в Англии и США существовала и существует и поныне старая система добровольного набора солдат преимущественно среди выходцев из наиболее бедных классов общества (см. прим. 19). В этих двух странах, и особенно в США, постоянные войска были относительно малочисленными, поскольку в силу географического положения их внешнюю оборону мог осуществлять главным образом военно-морской флот, тогда как внутренний порядок поддерживался гражданской милицией и, прежде всего, многочисленной и хорошо организованной полицией. Кроме того, в регулярных войсках США сохраняется более строго, чем в войсках континентальных стран Европы, различие между офицерами и низшим составом, и это различие заключается в том, что первые благодаря семейным связям и образованию тесно связаны с тем меньшинством, которое в силу рождения, культуры и богатства находится на вершине социальной пирамиды (см. прим. 20).

V. Практическая ценность американской гражданской милиции до последнего времени была очень незначительной. Еще Вашингтон говорил, что, если бы попросили ответить под присягой на вопрос, была ли милиция полезной или бесполезной, то он не смог бы не ответить, что она была бесполезной (см. прим. 21). Действительно внешние войны, а также войны за достижение национальной независимости в США велись почти исключительно федеральной армией, чья численность в этом случае увеличивалась благодаря вербовке добровольцев, и вызывает большие

сомнения, что в случае внутренних беспорядков милиция была бы более эффективной в их усмирении, что она не стала бы способствовать их разжиганию. Милиция не могла препятствовать многочисленным случаям *линчевания*, а перед забастовщиками она рассеивалась или вступала с ними в соглашения, как это произошло в 1887 г. и в случае совсем недавних забастовок, когда порядок был восстановлен только с помощью федеральной армии (см. прим. 22). В любом случае американская милиция послужила моделью и была в определенной мере матерью европейской национальной гвардии, которой еще сорок или пятьдесят лет назад отводили огромное значение, главным образом из-за политической цели, которую связывали с ней: в действительности в ее лице хотели создать вооруженную силу, которая, освободившись от слепой военной дисциплины, защищала бы институты парламентаризма от покушений со стороны исполнительной власти, опирающейся на постоянную армию.

Уже во времена великой французской революции Мирабо очень хорошо показал недостатки такой вооруженной силы (*согро*), которая способствовала мятежу или подавляла его в соответствии с настроениями момента и выступала в определенной мере в роли вооруженного арбитра между официальными властями (*autorita constituite*) и революционерами (см. прим. 23). Несмотря на это в 1830 г., когда была изменена Конституция (*Carta*), не забыли провозгласить в особой статье, что «защита Конституции и всех прав, предоставленных ею, была доверена патриотизму и мужеству национальной гвардии» и, когда Гарибальди вступил в Неаполь для того, чтобы спасти от разрушения замок Сант-Эльмо, откуда королевские войска держали город под прицелом своих пушек, он должен был пообещать, что этот замок будет охраняться неаполитанской национальной гвардией. Во Франции, говоря правду, деятельность национальной гвардии не всегда была неэффективной; в 1832 и 1834 гг. и в июньские дни 1848 г. страх перед социализмом вызвал приступы храбрости у мирных парижских буржуа, и национальная гвардия оказала помощь армии в подавлении соответствующих восстаний, но в феврале 1848, она, будучи недовольной правительством Гизо и не понимая того, что происходила революция, сначала была враждебной к войскам, потом колебалась и проявляла инертность, и ее поведение было решающей причиной падения июльской монархии (см. прим. 24). Потом она оказалась не в состоянии воспрепятствовать государственному перевороту 2 декабря 1851 г. и в 1870—71 гг. и допустила служить в своих рядах социалистических рабочих, и в ней элементы беспорядка, естественно, стали преобладать над элементами порядка, а потом в силу этого городская милиция Парижа составила преторианскую гвардию Коммуны. В наши дни отчасти потому, что недостаточная эффективность и устойчивость этого института стали благодаря опыту слишком очевидными и отчасти потому, что любой профессионал или лавочник, прослужив некоторое время в постоянной армии, терял энтузиазм в отношении парадов и униформы, национальная гвардия была упразднена во всех крупных странах Европы (см. прим. 25).

VI. Прежде чем завершить рассмотрение проблемы военной организации современной Европы и ее соотношения с юридической защитой, мы должны изложить два наблюдения.

Первое касается разделения вооруженных сил на два класса, один из которых включает офицеров, происходящих почти всегда из политически господствующего класса, обладающих специальным воспитанием и образованием и начинающих свою службу с достаточно высоких званий (*con un grado abbastanza elevato*), тогда как дру-

гой состоит из рядовых и низших унтер-офицеров, которым было трудно заслужить высокие звания. Это различие, которое на первый взгляд может показаться более чем искусственным и произвольным, существует в более или менее отчетливой форме во всех крупных постоянных армиях в самые разные эпохи и в самых разных странах, находящихся на достаточно высоком уровне организации. Оно уже встречалось в определенные эпохи в Древнем Египте, поскольку папирусы, восходящие к тем династиям, при которых египетское оружие достигало наибольших успехов, говорят нам об офицерах на боевых колесницах и пехотных офицерах, воспитанных в особых военных колледжах, где их посвящали во все аспекты суровой военной жизни и для поступления в которые требовалась достаточно высокая плата, но не в деньгах, которые тогда еще не существовали, а в рабах и лошадях (см. прим. 26). Это различие существовало в определенной мере в современном Китае, где военный мандаринат всегда был аналогичен нашему офицерству; поэтому военный мандарин должен был сдать экзамен военным властям провинции и только после этого он мог оказаться на службе с довольно высоким званием в милиции одной из восемнадцати провинций Китая (см. прим. 27). Но более всего это различие соблюдалось в римских легионах в последние века республики и в первые века империи, когда долгое время сохранялось различие между коммунальной (*comune*) милицией и милицией, называемой *equestris* (см. прим. 28), в которой начинали служить в качестве *contubernalis* (см. прим. 29) (сегодня сказали бы: в качестве адъютанта) консула или командующего легионом, что потом открывало путь к должности военного трибуна и к другим высшим должностям и в то же время тот, кто начинал свою карьеру простым солдатом в коммунальной милиции мог за очень длительный срок подняться только до должности центуриона-примипила (*centurione primipilare*), что для низшего состава было почти равноценно маршальскому жезлу. Такая организация сосредоточила командные посты в армии в руках того социального класса, который занимал древние гражданские магистратуры и который, обладая богатством и политической властью, формировала аристократия Древнего Рима (см. прим. 30).

VII. Другое наблюдение касается одного из наиболее распространенных в мире суждений и предрассудков: он предполагает, что военные качества неравномерно распределены среди разных народов, некоторые из которых в силу естественных причин являются робкими и трусливыми, а другие — смелыми и мужественными. Конечно, трудно сказать, что в этих предрассудках верно, а что неверно. Но с другой стороны, кажется бесспорным, что главным образом большие или меньшие воинские способности одного народа, могущество и тип характерного для него военного порядка являются элементами, которые определяют его военную славу.

Истина в том, что война, как и все опасные ремесла, требует определенной способности уметь встречать опасность со спокойствием и хладнокровием, и если эта способность отсутствует, то их не могут заменить ни очень редкие моменты возбуждения, ни чувства долга и чести, которые могут возбуждаться и поддерживаться с помощью специального воспитания только в очень незначительном классе элиты (*una classe molto ristretta ed eletta*). Ныне у цивилизованных наций, у которых большая часть населения не может на постоянной основе посвятить себя вооруженной борьбе (*lotte cruenta*), военная организация должна служить цели распределения среди масс того незначительного меньшинства, которое способно к этой борьбе или подготовлено к ней благодаря специальному воспитанию и подготовке, таким образом,

что оно может, как мы указывали, командовать рядовыми, влиять на них и вести их навстречу опасности, которую другие предпочли бы избежать (см. прим. 31).

Поскольку организация, о которой мы говорили, может быть более или менее совершенной и даже совсем отсутствовать, поскольку правящий класс может быть близок военному ремеслу и может при разных обстоятельствах полностью уклоняться от него, то мы видим, обозревая историю цивилизованных народов, что почти у всех из них были моменты военной славы и почти у всех были периоды материальной слабости. Индийцы, которые были много раз ограблены и завоеваны тюрками, монголами, афганцами и персами, а в XVIII в. были покорены всего лишь несколькими тысячами англичан, были азиатским народом, который когда-то доблестно сопротивлялся македонцам. Коренные египтяне в течение многих веков пользовались славою солдат с невысокой доблестью, но все же среди жителей нижнего течения Нила вербовались войска Яхмоса (см. прим. 32) и Тутмоса (см. прим. 33), которые в свое время были лучшими войсками мира. Начиная со времен Леонида и Александра Великого греки считались самими доблестными воинами и в эпоху Ксенофонта говорили с большим презрением о сирийцах и жителях Месопотамии, но когда возник ислам, семитские народы Азии вернули свое превосходство и истребили мирное население, которое покорилось Византийской империи (см. прим. 34).

Итальянцы эпохи Возрождения были плохими солдатами, потому что они не были приспособлены к настоящей войне, но среди их предков были римские легионеры, они показали высокую доблесть в эпоху коммун, и всего лишь немногим более века после Макиавелли итальянские полки соперничали в стойкости с испанскими полками в известном сражении у Рокроя (Roscro). Неаполитанцы, которых в прошлом часто обвиняли в трусости, были обязаны такой своей славою скорее отсутствию спаянности и морального единства, которые они часто показывали в разных ситуациях, чем дефициту личной доблести, и в Испании, и в России при Наполеоне I и в других случаях неаполитанские войска показывали себя хорошо (см. прим. 35).

VIII. В наши дни существует негативная реакция против больших постоянных армий, которая основана на обвинениях в том, что они отвлекают рабочую силу с заводов и из сельского хозяйства, развивают в молодежи пороки, а также прежде всего в непомерных тратах, связанных с ними. Верно, что эти сетования преимущественно исходят от тех социальных элементов, для которых всегда была характерна тенденция применять насилие ко всему остальному обществу, кто естественно и спонтанно имеет большой вкус к профессиональному обращению с оружием и находит препятствия для проявления своих инстинктов, возможно неосознанных, в существующей военной организации мирных и трудящихся масс (см. прим. 36). Но также верно и то, что необходимость, которая привела различные европейские нации к организации современных армий, повлекла за собой те следствия, обусловленные последовательным применением основополагающих принципов этих армий, которые приводят к ухудшению личного состава.

Наполеоновские войны, а затем и франко-прусская война 1870 г., давшие победу тем нациям, которые вооружили и мобилизовали самые многочисленные армии, привели почти во всех странах европейского континента к такому преувеличению значения системы обязательной военной службы, что в них стали претендовать на то, чтобы мобилизовать в случае необходимости в ряды армии все годное к несению военной службы население государства с [численностью] тридцать, сорок и больше

миллионов человек. Но для того, чтобы осуществление этого замысла стало возможным, необходимо, с одной стороны, сократить срок службы настолько, насколько это [позволительно] для того, чтобы без сомнений у новобранцев хватило времени для приобретения тех способностей и того особого корпоративного духа, который должен отличать солдата от всех других членов общества, и для того, чтобы по техническим причинам и, прежде всего, по *политическим* причинам мы не были бы слишком ослаблены. И, с другой стороны, для этого нужно увеличивать расходы на людей, кадровый состав и вооружения, которые находятся в процессе постоянного обновления, чтобы создавать все более сложные виды вооружений и, тем самым, производить то монструозное увеличение общественного дефицита (*del debito pubblico*), который является самой главной язвой многих современных стран, могущей привести к краху любую экономически менее развитую из них.

Но и это еще не все: военная машина по мере своего увеличения становилась все более сложным и тонким механизмом, и управлять его функционированием во время мобилизации и в военное время стало делом в высшей степени трудным (см. прим. 37). Здесь следует задаться вопросом: если война станет реальностью, то тогда каждый день противостояния, помимо экономического ущерба страны и расходов казны, будет стоить каждой нации нескольких тысяч убитых, тогда день, когда она будет объявлена, нанесет удар по интересам и возмутит чувства в каждой семье гражданского населения. Ныне, когда экономическим интересам и моральному отращению, противящимся войне между цивилизованными нациями, удастся одолевать ее последовательно уже в течение шестидесяти или семидесяти лет, сомнительно, что у новых поколений будет существовать тот военный и патриотический дух, на котором основаны современные армии и который считает возможным огромные материальные жертвы во имя ее.

Когда упадок названных чувств и очень продолжительный мир фактически упразднят или превратят постоянные армии в обманчивую и бесплотную видимость, то тогда воскреснет опасность того, что военное превосходство вернется к другой расе, к другой цивилизации, которые имели и имеют природу отличную от европейской цивилизации, и они овладеют всеми средствами и методами разрушения. И если эта опасность покажется некоторым слишком далекой и химеричной, то никто не сможет отрицать то, что в лоне самих же европейских народов всегда будут существовать характеры, склонные к насилию и, в то же время, робкие характеры, а также противоречия интересов и стремление навязать свою волю с помощью материальной силы. Итак, если однажды остановить или ослабить большую организацию и передать монополию на осуществление военных функций категории лиц, для которых характерны природные вкус и склонности к осуществлению этих функций (см. прим. 38), то кто тогда будет препятствовать маленьким организациям сильных, смелых и склонных к применению насилия лиц, воссозданным для того, чтобы подавлять слабых и миролюбивых? И разве война с характерной для нее смертью в массовом масштабе не будет возрождаться ежеминутно в распрах между семьями, классами и деревнями?

В самом деле, из-за сомнений, которые мы здесь высказали, можно сделать вывод, который мы еще не осмеливаемся сформулировать в чистом виде, а именно: то, что война, даже являясь в своей современной форме причиной такого большого зла и матерью значительного варварства, есть явление, необходимое постольку, поскольку

ку оно служит тому, чтобы не деградировало все ценное в функционировании современных европейских обществ и чтобы они не вернулись к менее высокому типу юридической защиты. Это тяжкий и ужасный вывод, который не мог бы, впрочем, быть иным в силу человеческой природы, которая столь сложна и противоречива, на что мы уже указывали в конце седьмой главы; это вывод о том, что для человеческой природы добро в ходе истории народов всегда было фатально связано со злом, а юридическое и моральное совершенствование общества было всегда переплетено с проявлением самых низких и эгоистических страстей и самых жестоких инстинктов (см. прим. 39).

Примечания

1. Как это предполагалось по конституции Сервия (Сервий Туллий — царь Древнего Рима в 578—534 гг. до н.э. — *Прим. перев.*).

2. Мы уже говорили о господстве военного класса во II главе и уже видели, как и в каких случаях воины набирались исключительно из числа господствующего класса, в то время как в других случаях этот класс давал только командующих, офицеров и отборные части, тогда как большинство рядовых солдат набиралось из числа менее привилегированных классов.

3. Негус — титул императора Эфиопии (европейское название до середины XX в.: Абиссиния) после возникновения в этой стране централизованного феодального государства в середине XIX в.

4. Рас — правитель области в феодальной Эфиопии. Аналог князя или графа в Европе — *Прим. перев.*

5. Смотри доклад Антонелли о набеге (zemessîà), т.е. экспедиции, и об организации эфиопской армии, опубликованный в дипломатических документах, представленных итальянскому парламенту 17 декабря 1889 г.

6. Книга Самуила, главы 15–18.

7. Эта трансформация, как известно, началась в последний век Республики и была завершена уже при ранней Империи.

8. Относительно использования наемников известно, что оно развилось первоначально и предпочтительно в не просто богатых странах, а в таких, где богатство носило в большей степени индустриальный и коммерческий, нежели аграрный характер. Поэтому в это время правящий класс отвык от полевой жизни, которая определяет лучшее обучение обращению с оружием, и связывал свои интересы и увлечения с управлением банками и фабриками, а не с верховой ездой на войне. Так было в Карфагене, Венеции и, в целом, в наиболее богатых итальянских коммунах, где торговая и промышленная буржуазия быстро потеряла склонности к личному участию в войне и доверила их ведение главным образом наемникам. Поэтому, как мы указывали, во Флоренции предприятия (le sabaliate), т.е. вооруженные экспедиции, в которых граждане участвовали лично, как, например, битвы при Арбии и при Кампальдино, помнят только до 1325 г.

Кроме того, наемники, поскольку вооружение солдата было дорогим, и способ его применения требовал длительного обучения, как это было в случае средневековой кавалерии и у греческих гоплитов, происходили обычно их хороших семей, которые неожиданно или в силу необходимости искали приключений вне своей родной страны и, такими были, например, десять тысяч греков Ксенофонта (речь идет о 10000 греческих наемниках персидского царя Кира, совершавших отступление к себе на родину после неудачной битвы в 401 г. до н.э. — *Прим. перев.*). Если, напротив, вооружение было недорогим и не требовало длительного обучения для овладения им, то наемников вербовали преимущественно из бедных стран, где существовало изобилие свободных рук и было мало промышленности и капиталов. Еще совсем недавно самые бедные графства Ирландии поставляли наибольшее количество новобранцев в английскую армию, и еще Макиавелли указывал на то, что немцы из промышленных городов неохотно идут служить в качестве наемников, а Вольтер отмечал, что некогда из всех немцев саксонцы были менее всего склонны наниматься в солдаты, потому что Саксония была самым промышленно развитым регионом Германии. В наши дни даже если федеральное правительство будет стремиться к этому, то оно не найдет достаточно много швейцарцев служить за деньги, потому что сейчас Швейцария является достаточно зажиточной страной, и некоторые европейские страны, которые когда-то нанимали швейцарцев за деньги на военную службу, возможно, являются более перспективным рынком, где можно было бы завербовать местные элементы служить за деньги.

9. Селим III — султан Османской империи (1761—1808, годы правления: 1789—1807). Пытался проводить реформы вооруженных сил Турции, создав регулярные войска европейского типа, что привело к конфликту с корпусом янычаров и последующему низложению Селима III. — *Прим. перев.*

10. Махмуд II – султан Османской империи (1785–1839, годы правления: 1808–1839), провел ряд реформ, направленных на модернизацию своей страны. Упразднил корпус янычаров – *Прим. перев.*

11. Аббасиды – династия арабских халифов (750–1258). – *Прим. перев.*

12. Эти исключения встречались несколько раз во Франции и особенно часто в Испании, где постоянные армии несколько раз меняли людей, которые находятся у вершин власти, а также форму правления. Но необходимо осмыслить то, что происходило в моменты кризисов и социальной дезорганизации и то, что, однажды употребив насилие для осуществления изменения правительства, любая партия или социальный класс для достижения своего господства использовали те средства, которые соответствовали их наклонностям и находились у них под рукой.

13. Обычай иметь в *собственности* роты и полки и вставать с ними на содержание разных правительств существовал вплоть до конца XVIII в., и он особенно касался немецких и швейцарских полков. Полк немецкой пехоты де ла Марка на службе Франции всегда находился под командованием семейства де ла Марк, набирался преимущественно в одноименном графстве и передавался по наследству, а офицеры назначались полковником, и так продолжалось вплоть до французской революции (смотри уже цитировавшуюся *Correspondance entre le Comte de Mirabeau, etc.*). Сбор всего дворянства под ружье имел место последний раз при правлении Людовика XIV. Но уже тогда было видно, что скопление двенадцати или пятнадцати тысяч кавалеристов с различным вооружением, притом, что некоторые из них были слишком юными, а другие – слишком старыми, возможно, обладающими личной доблестью, но плохо обученными воевать в строю, имело низкую практическую ценность.

По аналогичным причинам польская кавалерия в XVIII в. во многом потеряла свое былое военное значение. В 1809 г., когда французы напали на Венгрию, мадьярское дворянство в последний раз было созвано под ружье. Но эти войска были сформированы таким образом, что они, даже и располагая блестящими кавалеристами, в битве при Раабе (Raab) показали низкую стойкость.

14. Дон Хуан Австрийский (1547–1578) – испанский полководец и государственный деятель – *Прим. перев.*

15. Мориски – мавры, насильно обращенные в христианство после Реконксты и испытывавшие тяжелый экономический, национальный и религиозный гнет со стороны испанских властей. Они неоднократно восставали, причем самое крупное восстание было в 1568–1571, и его-то и имеет в виду Моска – *Прим. перев.*

16. В 1571 г. состоялась морская битва между испано-итальянским флотом и флотом Османской империи. Эта битва, завершившаяся победой союзников, положила конец притязаниям турок-османов на владычество над Средиземноморьем – *Прим. перев.*

17. В тех областях Европы, где сохранились до самого последнего времени средневековые льготы и привилегии, жители ревностно хранили прерогативы на то, чтобы охранять крепостные стены и форты городов городской милицией. Например, в Палермо при испанском владычестве при том, что жители почти всегда оставались самыми преданными подданными Его Католического Величества, даже небольшое количество иностранных солдат не могло вступить сюда для охраны королевского дворца и крепости на море (Castello a mare), а бастионы с артиллерией находились в распоряжении городской милиции, сформированной привилегированными цехами. Иногда, если речь заходила о том, чтобы ввести солдат в город, то упомянутые цеха, заявляя всегда о своей преданности и верности королю, перегораживали баррикадами улицы и наводили пушки бастионов на королевский дворец. Мятеж в Мессине был вызван попыткой полководца (stratigoto) Луиджи делла Ойо захватить врасплох форты, которые охранялись городской милицией. Страх перед солдатами был основан на представлении о распутном поведении, которое им приписывали.

18. Фридрих II Прусский извинялся в своих мемуарах за то, что был вынужден в ходе Семилетней войны делать офицерами лиц недворянского происхождения. У него было некоторое отвращение к этому новому классу офицеров, поскольку, с его точки зрения, джентльмен по рождению предоставлял большие моральные и материальные гарантии, так как, если он был бы дискредитирован как офицер, то он не мог бы обратиться к другой профессии, в то время как плебей всегда имел возможность заняться каким-либо другим делом и поэтому был менее заинтересован в ревностном служении долгу на своей должности. Эти соображения человека с предрассудками и одновременно основателя прусской державы показывают, что в Германии, как, впрочем, и в других местах, формирование класса, который имеет элитарное воспитание и при этом не является частью дворянства, оказывается совсем недавним делом.

19. Как известно, всеобщая воинская обязанность была введена в Англии в 1916 г.

20. Как известно, английское офицерство имело аристократический характер и в английской армии вплоть до 1870 г. существовала система покупки должностей. Фишель (смотри *La Constitution d'Angleterre, pag. 297. Paris, 1864, перевод Фогеля, издатель Reinwald*) справедливо указывает, что нет Акта о мятеже (Mitiiny act) помешал английской армии стать инструментом государственных переворотов, а, прежде всего, тот

факт, что английскийское офицерство принадлежало по рождению и своему мировоззрению к тем же классам, которые еще полвека назад преобладали в парламенте.

США следовали в этом английской традиции. Социалист Джордж отмечал, что в федеральной армии между старшими унтер-офицерами и младшими офицерами существовало различие не только по должности, но и по классовой принадлежности, и существовала, как говорит он, настоящая пропасть между ними, и ее можно было бы сравнить только с пропастью, которая четко отделяла белого от негра там, где особенно учитывались различия в цвете кожи.

21. Cornelius De Witt, *Storia di Washington*, pag. 104.

22. Смотри уже цитировавшуюся книгу Клаудио Янне (Claudio Janne) «Le istituzioni politiche e sociali agli Stati Uniti d'America», parte I, cap. XVII.

23. Смотри «Aperçu de la situation de la France et des moyens de concilier la liberté publique avec l'autorité royale», опубликованную в «Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte De La Marck». Том. II, стр. 418.

24. Смотри: Thureau Dangin, *Histoire de la Monarchie de Juillet*, Vol. VII, cap. VII.

25. Тот факт, что национальная гвардия очень долго сохранялась в Бельгии, где с опозданием ввели всеобщую воинскую обязанность, не заставляет предполагать, что вторая из приведенных нами двух причин потеряла от этого свое значение.

26. Смотри папирусы Британского музея с перепиской Амон-эм-апта, библиотекаря Рамсеса II (XIX династия), и его ученика поэта Пен-та-оура, которую перевел Масперо (французский египтолог Гастон Масперо, 1846–1916. — *Прим. перев.*) и которая воспроизводится теперь во всех современных трудах по истории древнего Востока.

27. Экзамен для военного мандарината сдавался преимущественно перед чан кюном (Tchang-kün), то есть главой одного из татарских (т.е. маньчжурских — *Прим. перев.*) гарнизонов, которые находились несколько лет назад во всех стратегически важных городах Китая. Действительно, после гражданской войны середины XIX в. должность военных мандаринов стала иметь небольшое значение, потому что ею наделяли часто произвольно таким образом, что на нее назначали того, кто был уволен с достаточно высокой должности, а в пограничных провинциях на нее нередко вербовали как [на должности] простых солдат... Тем не менее, известно, что командование крупными частями войск было доверено губернаторам провинций и другим высокопоставленным гражданским мандаринам, а в их среде продвижение по службе было сопряжено с многочисленными и сложными экзаменами. В Китае, как и в Древнем Риме, на высших уровнях гражданская иерархия переплеталась с военной иерархией. Смотри на эту тему уже цитировавшееся произведение Rousset.

28. Всадническая (лат.). — *Прим. перев.*

29. Contubernalis — юноши из сословий сенаторов или всадников, которые начинали военную и государственную службу, находясь при штабе полководца для выполнения мелких поручений.

30. Различие между *всаднической милицией* и коммунальной милицией было определено законами, которые предписывали комиссиям выбор военных трибунов и высших должностных лиц. Народные выборы в Древнем Риме, как впрочем, и во многих странах теперь, которые не были в состоянии латентной революции и в которых избирательная система существовала издавна, почти всегда давала преимущества богатым и тем лицам, чьи семьи пользуются известностью и занимают высокие позиции. В первые века империи продолжила существовать та же самая организация, и трибуны и другие высшие офицеры выбирались из среды самых знатных семей; тем не менее, мало-помалу императоры освободили сначала сенаторов, а потом и всадников от военной службы, поскольку боялись возможной конкуренции с их стороны. Во время военной анархии, которая имела место в III в. н.э. и которая привела к эпохе тридцати тиранов, случалось, что простые солдаты становились не только генералами, но и императорами. Смотри книгу Моммзена и Марквардта «Военная организация у римлян», которая является частью уже цитировавшегося «Manuel des antiquités romaines».

31. Последняя великая европейская война (Первая мировая война — — *Прим. перев.*) показала, что стойкость армий во многом связана с патриотическими чувствами, привитыми долгим и тщательным интеллектуальным и моральным воспитанием духа правящих классов и народных масс.

32. Яхмос I [Яхмес, Ахмос или Амасис I] (1570–1546 гг. до н.э.). С 1552 по 1525 г. до н.э. фараон Древнего Египта. — *Прим. перев.*

33. Тутмос I — фараон Египта периода Нового царства. Правил с 1508 по 1494 г. до н.э. — *Прим. перев.*

34. Л'Амари в своей «Истории мусульман в Испании» приписывает влиянию христианства инертность (la fiaccosa), которую продемонстрировали греки во время Византийской империи. Теперь же можно видеть, что эта империя просуществовала десять веков и за это время много раз была продемонстрирована военная энергия. Кроме того, необходимо помнить, что христианство не породило те же результаты у германцев и славян и что воинский дух быстро возрождался также и у латинских народов Запада тогда,

когда римская администрация была фактически аннулирована, и из анархии вышел феодальный строй (*costituzione feudale*). Следовательно, истина в том, что Римская империя и римский мир совершенно отучили население от оружия, и поэтому, будучи однажды побежденными, оно стало очень легкой добычей для любого агрессора.

35. Можно было бы привести бесчисленное количество других примеров в доказательство нашего тезиса. Известно также, что превосходство в некоторых видах оружия и в определенной мере воинские качества являются у разных наций делом изменчивым, поскольку зависят в первую очередь от их гражданских и военных порядков. Так, Макиавелли считал французскую кавалерию лучшей в Европе, потому что в то время дворянство все свое время посвящало военной жизни, и в то же время как пехоту этой же нации он оценивал низко, «потому что она состояла из незначительного люда и ремесленников, зависимых от баронов, и поэтому в каждом своем действии трусливых и подлых». Но с изменением общественного строя и военной организации пехота стала лучшей частью вооруженных сил Франции.

Муса (Muza), один из арабских генералов, которые завоевали Испанию, в своем докладе халифу Валиду I (халиф династии Омейядов, правил в 705–715 гг. — *Прим. перев.*), говорил: «Готы (этим именем арабы называли всех испанцев) — это орлы в кавалерийской атаке, львы в своих замках, а в пешем строю они всего лишь бабы (*doppicciuole*)». И во время войны за независимость против Франции герцог Веллингтон сетовал на незначительную стойкость испанской пехоты в открытом бою, тогда как за стенами Сарагосы, Таррагоны и других городов она показывала чрезвычайную доблесть и стойкость. Теперь необходимо учитывать, что в эпоху арабского завоевания Пиренейского полуострова кавалерия состояла из дворянства, наиболее обученного обращению с оружием, в то время как пехота, как и в эпоху войны за независимость, была сформирована из масс, которые только за стенами крепостей могли показать свое природное мужество; поэтому она не имела благоприобретенного мужества, которое было связано с долгой привычкой к военной жизни и наличием хороших кадров и которое, без сомнения, являлось главным достоинством старой испанской пехоты, с Фердинанда Католика (Фердинанд I — император Священной Римской империи с 1556 по 1564 г. — *Прим. перев.*) и до Филиппа IV (король Испании с 1621 по 1665 г. — *Прим. перев.*) считавшейся самой стойкой во всей Европе.

36. Мы намекаем на революционные элементы, которые естественно собирают в своих рядах почти всех из числа самых авантюрных, мужественных и склонных к насилию элементов современного общества.

37. Фон дер Гольц (Смотри его «Вооруженную нацию» в переводе Жегле, издание *Hirtischen*. Paris, 1884, Введение, стр. VII) позволяет ясно угадать его концепцию, согласно которой в военной истории народов всегда можно обнаружить борьбу и чередующиеся триумфы двух различных военных тенденций.

Первая ведет к росту массы сражающихся и обеспечивает победы благодаря численности до тех пор, пока большие массы не становятся слишком неудобными для маневрирования и слишком малоподготовленными, что приводит к победам над ними со стороны небольших армий профессиональных солдат, которые представляют вторую тенденцию, т.е. тенденцию специализации военных функций, которая потом может трансформироваться в вооружение масс. Автор полагает, что в Европе еще не исчерпана тенденция к увеличению численности воюющих.

Теперь этот исторический феномен, указанный фон дер Гольцом, конечно, не всегда проявляется регулярно, уступая многим исключениям и отступлениям, но в каждом отдельном случае он выступает в достаточно чистом виде. Мидо-персам, например, если верить рассказам древнегреческих историков, удалось завоевать весь юго-запад Азии, мобилизовав для этого огромные массы людей; это же сделал Кир, собрав людские массы на более чем одно время года в большую армию под своими знаменами, что стало причиной быстрого падения Лидийского царства, и огромнейшие военные силы должны были в течение длительного времени вести кампании в ходе двух осад Вавилона, которые предпринимались при Кире и при Дарии. Другие большие массы были мобилизованы и при экспедиции Ксеркса против скифов, во время которой и обнаружились недостатки персидской военной машины. И в самом деле, контингенты разных народов, которые составляли персидскую империю, показали себя неспособными к длительной войне в силу того уже, что они относились к одному огромному государству, постепенно потеряли свое боевые качества и превратились в нестройную толпу, которая не смогла выдержать атак греческих гоплитов, незначительных по численности, но хорошо подготовленных, тяжело вооруженных и умеющих сражаться в сомкнутом строю.

38. Читатель уже заметил, что организация (*l'ordinamento*) современной армии в определенной мере противоположна экономическому принципу разделения труда и физиологическим законам адаптивности разных органов к определяющим их целям. Это еще раз демонстрирует проблематичность проведения аналогий между проявлениями человеческого и социального тел и нужно подчеркнуть ограничения, которые определенные экономические законы должны иметь на политическом поле, потому что слишком строго осуществленное в его рамках разделение труда легко разрушило бы любое юридическое равновесие, поста-

вив общество в зависимость от тех его фракций, которые осуществляют не самые интеллектуальные и моральные функции, но самые необходимые, что и дает возможность навязать свою волю другим, а это как раз и характерно для военной функции.

39. Последние страницы девятой главы были, как вся книга, написаны в 1896 г., т.е. тогда, когда нельзя было предвидеть великую европейскую войну, которая разразилась в 1914 г., а созревала в предшествующие этому годы. Сегодня можно смело утверждать, что великая европейская война властно изменила ход событий почти во всем цивилизованном мире. Она не была чужда ни экономическим интересам, ни моральным противоречиям, о которых мы упоминали выше.

Перевод с итальянского А.Б. Рахманова

РОБЕРТ РЕДФИЛД

НАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО*

III

Эту характеристику идеального народного общества можно было бы существенно расширить. Разные элементы, составляющие эту концепцию, можно было бы по-разному скомбинировать друг с другом, и можно было бы развить или дополнительно подчеркнуть тот или иной из моментов и показать его связи с другими аспектами данной концепции. Например, можно было бы отметить, что там, где мало выражено или вовсе отсутствует систематическое и рефлексивное мышление, обычные решения проблем практического действия лишь отчасти принимают форму реально эффективного и понимаемого контроля над средствами, пригодными для достижения желаемой цели, и что вместо этого они тяготеют к выражению состояний духа индивидов, которые желают вызвать целевое состояние и боятся, что оно может так и не появиться.

Мы говорим это коротко, когда заявляем, что народное общество характеризуется обилием магии, ибо под «магией» мы можем понимать действие по отношению к цели — инструментальное действие, — но лишь такое инструментальное действие, которое не вызывает с эффективностью этот результат или не сопровождается реальным пониманием того, как оно его вызывает, если оно его вызывает, и которое является скорее выражающим то, как делающий мыслит и чувствует, нежели адаптированным к достижению цели. «Магия основывается на специфическом переживании эмоциональных состояний... в котором истина раскрывается не разумом, а воздействием эмоций на человеческий организм... магия держится на вере в то, что надежда не может не оправдаться, а желание не может обмануть» [5, 80]. В народном обществе эффективное техническое действие во многом смешивается с магической деятельностью. То, что делается, имеет тенденцию принимать форму маленькой драмы; это изображение желаемого.

Рахманов Азат Борисович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва). E-mail: azrakhmanov@mail.ru.

* *Продолжение.* Начало см.: 2008. Т. 10. Вып. 5-6. Перевод выполнен с источника: *Redfield R. The Folk Society // American Journal of Sociology. 1947. Vol. 52. № 4. P. 293-308.*